

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920-1930-е гг. XX в.)

Наталья Владимировна Мелешкова (кандидат искусствоведения)

Вопрос о собственной идентификации в условиях чужой страны возникает практически всегда. Попадая за пределы своей страны, человек начинает сравнивать условия жизни «там», у себя дома, с нынешними обстоятельствами, непохожими на «здесь и сейчас» и не всегда приемлемыми. А если этот период «отчуждения» от родины длится довольно значительное время и нет возможности вернуться назад, тогда и может появиться у людей естественная потребность в воссоздании такой реальности, которая напоминала бы о принадлежности к нации, наделенной особенными, отличными от других языковыми и культурными характеристиками.

Для того чтобы понять, как происходил процесс воплощения идеи «национального» у русской музыкальной эмиграции, следует вспомнить некоторые положения о самом понятии «нация», которые были сформулированы исследователями этой проблематики в разное время. Еще в конце XVIII термин «нация» стал объектом для отдельного изучения. Знаковыми работами следует назвать труды И. Г. Гердера, в которых он дает теоретическое обоснование понятию «нация»¹. Гердер декларировал, что существование нации напрямую зависит от наличия единого языка, земли и культуры. Именно культура, по его словам, основанная на «памяти поколений» и имеющая свой особенный *Volksgeist* (нем., «национальный дух»), способна сплотить многомиллионный народ в единую нацию².

Совершенно иную концепцию определения дал французский ученый Эрнест Ренан в своем известном докладе «Что такое нация», прочитанном в Сорбонне в 1882 году³. Национальная идея, по его мнению, должна опираться на воспоминания о прошлом, на славу поколений, на «культ предков». Условиями для существования нации Ренан называет возможность «иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем»⁴.

В продолжение французской теории о том, что феномен нации формируется в умах и в воспоминаниях людей, этот вопрос интересовал и британского политолога и социолога Бенедикта Андерсона. В работе «Воображаемые сообщества»⁵ он объяснял, что нация есть «воображаемое ограниченное сообщество». «Воображаемое» – потому, что члены этой нации

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920–1930-е гг. XX в.)

не могут встретиться со всеми ее представителями, «в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»⁶. При этом такое сообщество является и «ограниченным», так как даже самая крупная нация имеет определенные границы, за которыми находится другая нация⁷.

Во многих отношениях позиция Андерсона была расширена его соотечественником Майклом Биллингом. В работе «Нации и языки» он объяснял, что нация («воображаемое сообщество») зависит от непрерывного воображения ее существования. Однако первоначальное «воображение» зачастую воспроизводится через развертывание символов, а иногда – через повседневные привычки, которые осознаются весьма смутно или не осознаются вовсе⁸.

По многим вопросам, касающимся нации и национализма, соглашался с Андерсоном и Эрик Хобсбаум. По его мнению, нация «есть социальное образование лишь постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с “нацией-государством”»⁹. Для этнического национализма, по мнению Э. Хобсбаума, решающее значение имеет чувство «родства» и «крови», которое «лучше многого другого помогает членам группы сплотиться и отделить себя от чужаков»¹⁰.

Говоря о нации, философы не забывали и о языке, который является одним из мощнейших средств объединения сообщества в отдельную группу. Андерсон подчеркивал важнейшее значение языка для нации. Он полагал, что, несмотря на территориальные изменения, связанные с миграцией населения и другими переменами с местом жительства сообщества, язык продолжает быть «непрерывной реальностью» нации. Исследователь С. Баньковская, изучая работу Андерсона, так определяет его значение языка: «Язык – это то, что придает “естественности” нации, подчеркивает ее фатальность, произвольность и бесконечность с ее неопределенностью “начала” и “конца”... Язык делает прошлое переживаемым в настоящем, прошлое и настоящее сливаются в одновременности»¹¹.

Еще И. Г. Фихте утверждал в «Речи к немецкой нации», что именно язык является определяющей особенностью нации: «Первыми изначальными и по-настоящему естественными границами государств, несомненно, оказываются их внутренние границы. Те,

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920-1930-е гг. XX в.)

кто говорит на данном языке, связаны друг с другом множеством невидимых уз самой природы задолго до возникновения всякого человеческого искусства; они понимают друг друга и способны и дальше развивать взаимопонимание; они связаны друг с другом и по природе образуют единое и неделимое целое»¹². Вслед за Фихте, идею о наличии общего языка как основного признака нации подхватили и многие современные исследователи.

Вопрос «национального» в музыкальной среде русского зарубежья Праги 1920-х годов стоял особенно остро в силу сложившихся обстоятельств. И практически ежедневно вставал вопрос: «А кто мы в этой стране?». Беженцы, которые покинули свою страну навсегда? Или сообщество русских людей, не желающих забывать свои традиции, обычаи и культуру, и готовые их отстаивать, независимо от статуса и положения в чужом государстве? Дилемма была непростая: ассимилироваться, запоминать новый язык, изучать и воспринимать незнакомую культуру как свою, либо постараться отстоять статус принадлежности к русской общине как отдельной социальной единицы, поддерживать национальные традиции, связанные с культурными и музыкальными памятниками, устанавливать связи с русскими сообществами в других странах, а по возможности – и развивать их.

Естественно, об ассимиляции для многих не могло быть и речи, поскольку у эмигрантов теплилась надежда на скорое падение большевистской власти и возвращение на родину. Кроме того, первое время правительство Чехословакии во главе с президентом Томашем Масариком поддерживало русское сообщество, организовав «Русскую акцию»¹³, чем способствовало сохранению «национального». В решении этой задачи в большей степени помог специфический состав русской эмиграции 1920-х годов в Чехословацкой республике. Его характерной чертой был значительный процент молодежи, а также преподавателей и профессоров высших учебных заведений и целого ряда лиц, чья деятельность напрямую была связана с общественно-культурной и музыкальной жизнью дореволюционной России. Среди них следует упомянуть графиню С. В. Панину, князя П. Д. Долгорукова, профессора И. И. Лапшина, бывшего секретаря Л. Н. Толстого В. Ф. Булгакова, режиссера Вас. И. Немировича-Данченко, артистку балета Е. Н. Никольскую, пианистку В. Ф. Свечину-Кишенскую, композитора С. И. Траилина, певицу и хорового дирижера А. Н. Новикову-Рыжкову, регента

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920–1930-е гг. XX в.)

храма Св. Николая Ф. Ф. Никишина и других. Волею судеб, они оказались в Праге, и именно благодаря им, в большей степени, появилось такое явление как музыкальная жизнь русской эмиграции в Чехословакии 20–30-х годов XX века.

Большое значение это культурное сообщество придавало «сбережению» языка. В приводимых выше работах о нации многие исследователи особо подчеркивали определяющее значение языка. Именно русскому языку как главному признаку нации, обладающему, с одной стороны, специфическим свойством отличия от иных этногрупп, а с другой – объединяющим началом внутри одной группы, отводилось особое место в этом процессе.

Родной язык, столь ревностно и бережно охраняемый русской общиной за рубежом, являлся важной составляющей их культурно-музыкальной жизни: все мероприятия проходили исключительно на русском языке (богослужения, концерты, лекции, передачи на радио).

Практически сразу после приезда в Прагу русские начинают собираться небольшими группами, но не только для того, чтобы делиться воспоминаниями о прошлой жизни; они собирались, чтобы думать о своем будущем (тем более что среди эмигрантов было много семей с детьми). Когда к концу 1920-х годов всем стало ясно, что возвращение невозможно, началась настоящая работа по собиранию духовных сил и других ресурсов для осуществления беспрецедентного проекта по сохранению национальных культурно-музыкальных ценностей. Можно предположить, что тогда многое делалось спонтанно, интуитивно; однако сейчас уже можно дать некую условную классификацию тем направлениям, по которым осуществлялась такая деятельность.

В первую очередь, русское сообщество Чехословацкой республики нашло духовную поддержку в православной церкви. Ее наставники, отец Сергей (Прага) и митрополит Евлогий (Париж), всячески поддерживали начинания музыкальных деятелей русской эмиграции: принимали участие в светских культурных и музыкальных мероприятиях, влияли на все сферы жизни, таким образом, выступая важным фактором в борьбе за сохранение «национального самосознания».

Непосредственно сама музыкальная жизнь русской эмиграции 1920–1930-х годов в Праге ознаменовалась последовательным появлением трех знаковых общественно-культурных и

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920–1930-е гг. XX в.)

музыкальных институтов: это деятельность Общественного русского хора имени А. А. Архангельского (1921–1950 гг.), создание Комитета «День русской культуры» (1925–1938 гг.) и, наконец, Русского музыкального общества (1931–1935 гг.).

Целью создания таких организаций было сохранение национальных ценностей путем пропаганды русской культуры и русской музыки в зарубежье.

В начале 1920-х годов в Праге насчитывалось около двух десятков эмигрантских хоровых коллективов. Однако самым ярким явлением в этой области являлся Общественный русский хор имени Александра Архангельского.

За весьма короткий срок хор смог стать крупной музыкальной организацией, способствующей сохранению и распространению искусства хорового пения. Коллективу очень повезло, что его становление совпало с прибытием в Прагу таких маститых хоровых дирижеров, регентов и композиторов, как А. А. Архангельский, А. Т. Гречанинов, А. Г. Чесноков, И. Вебер, В. Ф. Кибальчич. Такое полезное и исключительно плодотворное сотрудничество за несколько лет вывело коллектив в ряд ярких и самобытных среди русской музыкальной эмиграции. Репетиции с композиторами научили коллектив не только качественно исполнять русскую музыку, но и в целом внимательно и кропотливо работать над сочинениями. В итоге хор был обладателем значительного репертуара, включающего в себя различные жанры хоровой музыки: духовные сочинения, светские миниатюры, обработки русских народных песен, образцы хоровой музыки западноевропейских композиторов, песни народов мира.

Помимо исполнительской деятельности, хор активно издавал нотные сборники хоровой русской музыки¹⁴, возможно, надеясь на исполнение ее другими коллективами. Редакционная коллегия нотопечатни хора искала также информацию о русских хоровых коллективах за рубежом. Полученные сведения публиковали в издаваемых им журналах «Русский Хоровой Листок» и «Русский Хоровой Вестник». Здесь также освещались основные музыкальные события «русской Праги», выпускались статьи по методике музыкального воспитания и вокального мастерства, помещались заметки о нотных новинках, изданных в России и Европе¹⁵.

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920–1930-е гг. XX в.)

За свою долгую для эмигрантского коллектива творческую жизнь хор по праву заслужил славу лучшей исполнительской организации в Праге по продвижению хоровых традиций России и русского хорового репертуара.

Наряду с хором Архангельского, в Праге с 1925 года действовала общественно-культурная организация Комитет «День русской культуры». Сама идея создания Комитета была откликом на потребности русской культурной эмиграции в Праге в русском слове, в атмосфере русского быта, в русской песне, в воссоздании русских традиций, обычаев, – словом, идеей «национального» была пронизана вся деятельность его членов¹⁶. Каким же образом осуществлялась эта идея? – Путем организации одного дня в году, когда каждый русский человек мог бы почувствовать свою причастность к многомиллионному народу большой утраченной страны. В этот день устраивались народные гулянья, готовились национальные блюда, повсюду звучала русская речь и русская музыка. Интересен факт, что в 1926 году Комитетом был объявлен конкурс на сочинение гимна, посвященного Дню русской культуры. Победителем был назван композитор А. Г. Чесноков. Уже в следующем году его гимн на стихи А. С. Пушкина («Два чувства дивно близки нам...») прозвучал на торжественном открытии Дня русской культуры в исполнении Общестуденческого русского хора имени Архангельского под управлением самого композитора.

Благодаря тому, что в Комитете состояло значительное количество писателей, философов и профессоров, стало возможным проведение лекций о русской культуре¹⁷. Зарубежные связи членов Комитета «Дня русской культуры» также сыграли немаловажную роль в том, что удалось провести обширную работу по собиранию русских культурных сил в самой республике и за ее пределами. Комитетом были установлены прочные связи с Чехословацкой провинцией, а также с русской культурной и музыкальной эмиграцией практически по всему миру. Просьба Комитета к ним была всего одна: провести, по возможности, День русской культуры у себя в стране¹⁸.

В силу своей общей культурной, а также – образовательной направленности, Комитет уделял внимание детям эмигрантского сообщества. Организация курировала две русские гимназии в Праге и в городе Моравская Тршебова и осуществляла посильную помощь русским

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920–1930-е гг. XX в.)

детям: устраивала детские праздники, читала занимательные лекции о русской культуре и музыке. Члены Русского музыкального общества также искали возможность помочь детскому образованию: содействовали печати и распространению изданий методического характера для учителей пения, руководителей детских садов и хоровых кружков, а также привлекали воспитанников к участию в богослужениях в качестве певчих церковного хора.

Волна интереса ко всему русскому у эмигрантов, стремление подпитывать его новыми музыкальными силами не угасли и к 1930-м годам. Об этом говорит создание в 1931 году Русского музыкального общества в Праге. Музыканты-энтузиасты «подхватили» идею хора и Комитета и своими силами организовывали концерты, предлагая на суд слушателей камерную вокальную и инструментальную музыку русских композиторов. Они выступали с гастрольями в провинции Чехословакии, читали перед концертами лекции о русской музыке¹⁹.

Музыкальные деятели «Русской Праги» посильными средствами пытались сохранить национальные традиции, распространить их среди русского сообщества, привлекая в свои ряды, в первую очередь, молодежь, во избежание ее полной ассимиляции. Для нее инициативной группой Общественного русского хора были открыты курсы регентов и отделы «Арпеджио-гармония-композиция». Руководителями РМО для этой же цели были организованы курсы по направлениям «теория музыки», «сольфеджио», «вокал».

Конечно, музыка звучала и в театральных постановках гастрوليрующих трупп, а также – в концертах целого ряда музыкантов, посещавших Прагу с выступлениями²⁰.

К концу 1930-х годов политическая ситуация исключила возможность для осуществления практически всей деятельности русской музыкальной эмиграции в Праге. Под «упразднение» попали многие организации, да и сами музыканты, чувствуя нарастающую нестабильность в стране, зачастую решали сменить место жительства. Часть из них покинула республику, так благосклонно принявшую их на два десятка лет: кто-то выехал в Америку, кто-то остался в Европе. После 1939 года говорить о полнокровной музыкальной жизни русской эмиграции в Чехословакии, к сожалению, не приходится. Однако та работа, которую проводили музыкальные организации на протяжении этих десятилетий, служит лучшим доказательством

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920-1930-е гг. XX в.)

того, что им удалось сохранить веру, родной язык, национальную культуру и без колебания отвечать на вопрос «Кто мы?» так: «Мы – русские!».

Библиография

Источники

РГАЛИ. Ф. 2476.

ГАРФ. Ф. 5850

Научные работы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2001.

Биллинг М. Нации и языки // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. №4. С. 44-70.

URL: [03.qxd \(ruthenia.ru\)](#) (дата обращения: 03.03.2021).

Геллнер Э. Нации и национализм / пер. англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послеслов. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.

Гердер И. Идеи к философии истории человечества / И. Гердер. М.: Наука, 1977.

Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. №4. С.14-32 URL: [01.qxd \(ruthenia.ru\)](#) (дата обращения: 03.03.2021).

День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1927 году / Сост. Н. А. Цуриков. Прага: Русское педагогическое бюро в Чехословакии, 1928.

Инов И. Литературно-театральная, концертная деятельность беженцев-россиян в Чехословакии (20-40-е годы 20 века): В 2 ч. / И. Инов. Praha: Nar.knih.CR – Slovan. knih., 2003.

Русский хоровой вестник. Прага, 1928.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1870 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998.

Русские в Праге / Ред. изд. С. П. Постников. Прага, 1928.

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920–1930-е гг. XX в.)

Сноски

- 1 Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- 2 Там же. С. 556.
- 3 Ренан Э. Что такое нация // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С.87–101.
- 4 Там же.
- 5 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2001.
- 6 Там же. С.47.
- 7 Там же. С.48.
- 8 Биллинг М. Нации и языки // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. №4. С.44–70.
URL: [03.qxd\(ruthenia.ru\)](http://03.qxd(ruthenia.ru)) (дата обращения 03.03.2021).
- 9 Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. Спб.: Аллетейя, 1998. С.19.
- 10 Там же. С. 101.
- 11 Баньковская С. П. Воображаемое сообщество как социологический феномен / В кн.: Б. Андерсон. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2001. С.25.
- 12 Цит. по: Джон Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. №4 С. 14–22.
- 13 «Русская акция» была нацелена на материальное поддержание беженцев из России, создание условий для продолжения образования нуждающихся, развитие научной и культурной деятельности русских в Праге.
- 14 Нотоиздательство было организовано в 1928 году.
- 15 Русский хоровой вестник. Прага, 1928.
- 16 Основные празднования «Дня русской культуры» проходили 6 июня, в день рождения А. С. Пушкина.
- 17 Отчет о деятельности ДРК в 1930 году. ГАРФ. Ф. 5850. Оп. 1, ед. хр. 9. Л. 38.

«Кто мы?»: Воплощение идеи «национального» в музыкальной среде русского сообщества в Праге (1920-1930-е гг. XX в.)

18 День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1927 году / Сост. Н. А. Цуриков.

Прага: Русское педагогическое бюро в Чехословакии, 1928. С. 4.

19 *Лапшин И. И.* Концерт РМО в Чехословакии // Россия и славянство. Париж, 16 января 1932.

РГАЛИ. Ф.2476. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 61.

20 Подробнее об этом см.: Инов Игорь. Литературно-театральная, концертная деятельность

беженцев-россиян в Чехословакии (20-40-е годы 20-го века) = Divadelní a koncertní

činnost ruské emigrace v československu ve 20.-40. letech 20. století / Igor Inov ; Nár. knih.

ČR-Slovan. knih. - Praha : Nár. knih. ČR-Slovan. knih., 2003. 21 см. (Publikace Slovanské

knihovny).